

УДК 343.1

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС DE LEGE FERENDA
КАК ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ**

Анна Вячеславовна Ламтева

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, criminalprocedure2025@mail.ru

Аннотация. Отечественный уголовный процесс рассматривается через призму типологического подхода с акцентом на догматической и эвристической составляющих. Сконструирована авторская система уголовно-процессуальных типов, в основании которой лежит способ взаимодействия общества и государства по вопросам борьбы с преступностью (символический, доверительный, коллегиальный и гласный). Автором была предложена защитная теория возникновения государства. В качестве новой формы участия граждан в отправлении правосудия по наиболее сложным уголовным делам предлагается двухуровневая модификационная модель (два профессиональных судьи и коллегия из судей справедливости). Делается вывод о том, что уголовный процесс не каждого государства может претендовать на статус типа. После трансформации национального уголовного судопроизводства в уникальный тип начинается его импортная экспансия. Проработка уникальных и работоспособных национальных уголовно-процессуальных институтов трансформирует имеющееся уголовное судопроизводство в систему с особой процессуальной энергетикой, которая, словно солнце, заряжает все другие страны.

Ключевые слова: тип, отечественный, судьи справедливости, догма, типология, судебное заседание

Для цитирования: Ламтева А. В. Отечественный уголовный процесс de lege ferenda как типологическое открытие // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 1 (76). С. 104—113.

**DOMESTIC CRIMINAL PROCEDURE DE LEGE FERENDA
AS A TYPOLOGICAL ACHIEVEMENT**

Anna Vyacheslavovna Lamteva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, criminalprocedure2025@mail.ru

Abstract. The author focuses on the domestic criminal procedure by using a typological approach with an emphasis on dogmatic and heuristic aspects. The author's own system of criminal and procedural types is formed, based on the way of a society and a state cooperation on the issues of crime fighting (symbolic, confidential, collegial and public). The author proposes a defense theory of state origins. As a new form of citizens' participation in the administration of justice in the most serious criminal cases, a two-level modified pattern (combining two professional judges and a panel of judges of justice) is offered. The author makes a conclusion the type status in criminal procedure not to be an option for every state. After the transformation of national criminal proceedings into a unique type, its import expansion begins. The development of unique and functioning national criminal and procedural institutions will transform the existing criminal proceedings into a system with a special procedural energy, which, like the sun, revives all other countries.

Keywords: type, domestic, judges of justice, dogma, typology, court session

For citation: Lamteva A. V. Domestic criminal procedure de lege ferenda as a typological achievement. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 104—113, 2026. (In Russ.).

Отечественный уголовный процесс — это глобальное понятие, обладающее многоуровневым конвергентным потенциалом. Если на российский уголовный процесс посмотреть с позиции линейного вектора развития, то мы увидим ламинарные и турбулентные переходы от одного уголовно-процессуального типа к другому. Например, первый, обвинительный тип, существующий параллельно с розыскным, постепенно передислоцировался на второй план вместе с ордалиями и судебными поединками. А розыскная процедура «заклич — свод — гонение следа» трансформировалась в повальный обыск по наиболее общественно опасным уголовным делам (татьба, душегубство, разбой). В XVI в. розыск стал новой доминантой в вопросах борьбы с преступностью.

Если на отечественный уголовный процесс взглянуть через призму такой методологической разработки, как уголовно-процессуальный тип, то мы увидим новые грани национальных уголовно-процессуальных институтов, разглядим отечественные корни там, где до этого речь шла лишь об импортной экспансии.

Понятие «отечественный» означает «относящийся к отечеству, принадлежащий ему, не иностранный» [1, с. 711], а Отечество — это «страна, где родился данный человек и к гражданам которой он принадлежит» [1, с. 711].

Предложим следующую классификацию уголовно-процессуальных типов применительно к отечественному уголовному судопроизводству.

По способу взаимодействия общества и государства по вопросам борьбы с преступностью можно выделить **четыре уголовно-процессуальных типа**:

1. Символический (так как уголовный процесс происходит от латинского слова «procedure», что означает движение, то здесь в качестве ключевого процессуального акта выступит глагол «**смотреть**»), когда и судья, и все участвующие при проведении ордалия лица убеждаются в невиновности лица посредством испытания силами природы, помноженными на рационалистическую составляющую в плане подготовки самого ритуала. Тонуший считался невиновным при испытании водой. Победа в силовом поединке приравнивалась к выигрышу уголовно-правового спора. Сама символическая процедура ордалия формировала высокий уровень доверия к итоговому результату в тех случаях, когда по уголовному делу имели место неустранимые сомнения (ст. 21 и 22 Пространной редакции Русской Правды). Здесь прослеживается безальтернативный ориентир на резуль-

тат даже при недостаточности собранной доказательственной базы.

2. Доверительный (ключевое действие — «**рассказать**»). Яркий пример — это процедура повального обыска, когда о личности заподозренного опрашивались все жители его околотка (ст. 52, 56 Судебника 1550 г., ст. 161 Соборного уложения 1649 г.). Если лицо называли лихим и сам гражданин давал признательные показания, то в качестве наказания избиралась смертная казнь. Если большинство опрошенных называли потенциального субъекта преступления добрым человеком и он сам также отрицал свою причастность к противоправному деянию, то он отдавался на поруки тем людям, которые за него поручились. Здесь действуют в связке две уголовно-процессуальные технологии: опрос граждан как проявление рационального земного начала и пытка с позиции метафизического идеала. Предполагалось, что невиновное лицо будет отстаивать свою невиновность и сможет стойко претерпеть пытку, в то время как личность причастная под натиском физического воздействия неизбежно даст признательные показания. Такая формула, сочетающая рациональные и иррациональные способы познания истины, в конечном итоге трансформировалась в формальную систему оценки доказательств, когда каждое из них имело заранее установленную силу.

Повальный обыск «бывает или малый, когда допрашиваются ближние окольные люди, или большой, когда допрашиваются... и дальние окольные люди...» [2, с. 83]. Допросу подлежали только граждане, заслуживающие доверия.

Следует заметить, что обыск мог иметь место как в рамках розыскной процедуры, так и в формате ординарного судебного заседания. «При суде... обыски чрезъ окольныхъ людей или чрезъ послуховъ и видоконъ производились для изследованія факта преступленія и **отношенія къ нему обвиняемаго**, а при сыске... для определенія... виновенъ ли обвиняемый... лихой ли онъ человекъ или нетъ, т. е. следуетъ ли его подвергнуть пытке...» [3, с. 118—119].

3. Коллегиальный (центральным действием является «**голосование**») — речь идет о присяжных заседателях и впоследствии о народных заседателях. С момента принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. можно говорить о такой яркой черте состязательного уголовного процесса, как суд присяжных. Теперь граждане вовлекаются в процесс отправления правосудия в качестве ключевых действующих лиц по отдельным катего-

риям уголовных дел. Именно от их коллективного вердикта будет зависеть итоговый судебный приговор. В период советского уголовного судопроизводства народные заседатели в лице граждан (не юристов) включаются в состав судебной коллегии для профессиональной реализации функции разрешения уголовного дела по существу наряду с профессиональным народным судьей.

4. Гласный. Современный уголовный процесс является диспозитивно-прозрачным для незаинтересованных граждан. Выражается это в праве любого гражданина в соответствии с ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020) присутствовать в открытом судебном разбирательстве. Кроме того, в ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) содержится описание такого общего условия судебного заседания, как гласность. Согласно ч. 5 ст. 241 УПК РФ те граждане, которые присутствуют в открытом судебном заседании, имеют право делать письменные записи и вести аудиозапись. Следовательно, как и при символическом типе уголовного процесса, любой желающий может быть наблюдателем процесса установления истины по уголовному делу.

Автором статьи было посещено 12 открытых судебных заседаний во второй половине 2025 г. на базе Канавинского районного суда Нижнего Новгорода. Более подробно рассмотрим два уголовных дела. 8 октября 2025 г. было проведено первое судебное заседание в отношении гражданина Р. (дело № 1-370/2025) по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), в судебном зале № 3. Гражданин Р. был ранее признан виновным в совершении деяния, предусмотренного ст. 12.26 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ, и был лишен специального права на управление транспортным средством до 26 декабря 2027 г. Однако 26 июня 2025 г. он управлял автомобилем в состоянии алкогольного опьянения и совершил наезд на припаркованное транспортное средство. Была качественно и подробно проведена подготовительная часть судебного заседания (судья убедился в личности подсудимого Р., выяснил информацию о наличии у него и его близких родственников заболеваний, обратил внимание на соблюдение правил и сроков вручения

копии обвинительного акта и дату уведомления о судебном заседании, разъяснил право на отводы и самоотводы и др.). В ходе судебного следствия государственным обвинителем было оглашено предъявляемое подсудимому обвинение. Подсудимый полностью признал вину, сообщив, что будет давать показания после выступления стороны обвинения. Государственным обвинителем был предложен следующий порядок исследования доказательств: допрос свидетелей, исследование письменных доказательств, затем исследование доказательств со стороны защиты. Но, так как ни один свидетель не явился, государственным обвинителем было заявлено ходатайство об отложении судебного заседания в связи с неявкой свидетелей.

Заметим, что, помимо автора статьи, других посетителей (которые бы не относились ни к одной из сторон и не выполняли обеспечительных функций либо задач, способствующих достижению нужд доказывания) на судебном заседании не было.

Второй пример: 8 октября 2025 г. в судебном зале № 8 было продолжено разрешение по существу дела № 1-306/2025 в отношении гражданина Ц., обвиняемого в совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 187 УК РФ (неправомерный оборот средств платежей). Судья объявил о продолжении рассмотрения уголовного дела, т. е. разбирательство продолжилось с этапа судебного следствия. Никто из пяти надлежаще вызванных свидетелей не явился на судебное заседание. Государственным обвинителем было заявлено ходатайство об оглашении показаний данных свидетелей по материалам уголовного дела. Сторона защиты согласилась на оглашение четырех свидетельских показаний, заявив ходатайство о непосредственном допросе свидетеля М. Суть оглашенных показаний сводилась к тому, что ряд граждан за вознаграждение (в среднем — 20 000 руб.) оформляли фирмы, которыми впоследствии руководили другие лица. Затем судебное заседание было отложено. Нам показалось интересным следующее: судья заметила, что повторная повестка свидетелю М. будет направлена, но на этом работа секретаря считается выполненной. Если стороны заинтересованы в допросе данного свидетеля, они должны обеспечить его явку сами. В связи с этим возникает вопрос: как может обеспечить явку свидетеля сторона защиты? Согласно ч. 2 ст. 113 УПК РФ привод состоит в принудительном доставлении лица, в том числе в суд. Свидетель тоже может быть подвергнут приводу в соответствии с ч. 1 ст. 113 УПК РФ. Согласно ч. 7 анализируемой

статьи на основании постановления суда сотрудники органов принудительного исполнения РФ обязаны осуществить привод.

Таким образом, несмотря на небольшое количество посещенных судебных заседаний, перед нами раскрылась одна немаловажная проблема — отложение судебных заседаний в связи с неявкой свидетелей, — которая удлинит сроки судебных разбирательств, препятствует скорому правосудию и восстановлению социальной справедливости. Второй момент, на который бы хотелось обратить внимание, — отсутствие каких-либо внешних незаинтересованных посетителей судебных заседаний. Кроме того, сам размер посещенных нами залов судебных заседаний позволил бы вместить малое количество представителей общественности в зале № 3 (три скамьи — около девяти человек) и в зале № 8 (две скамьи и пять стульев могли бы вместить около одиннадцати человек).

Сегодня продолжает действовать институт присяжных заседателей. Их итоговое количество составляет шесть и восемь в районном суде и суде субъекта соответственно. Но, несмотря на уменьшение количественного состава присяжных, логика их голосования остается неизменной. Если голоса распределились поровну, то ответ трактуется в пользу подсудимого (ч. 5 ст. 343 УПК РФ).

Диспозитивность выражается в том, что есть ряд законодательно допустимых возможностей отказаться от обязанности исполнить функцию присяжного заседателя по уважительной причине. Кроме того, гласность и открытость судебного заседания как потенциальная возможность для граждан трансформируются в их диспозитивное право посетить открытое судебное заседание или исходить из презумпции доверия без своего непосредственного участия.

Уникальность предложенной нами классификации состоит в том, что мы анализируем отечественный уголовный процесс с точки зрения деления на значимые процессуальные вехи развития с позиции участия народного элемента в отправлении правосудия. В ракурсе отечественного подхода представляется обоснованным сосредоточить внимание на взаимодействии государства и общества по вопросам борьбы с преступностью. Фактически в основании этой классификации лежит **национальное чувство патриотизма**, обрамленное легислативным государственным видением альтернатив народного участия в отправлении правосудия.

Заметим, что, помимо таких известных теорий возникновения государства и права, как материалистическая (естественноисторический процесс [4, с. 43]), теологическая (божественное происхождение государственной власти), психологическая (в силу потребности жить вместе и зависимости от власти [4, с. 45]) и др., можно предложить **защитную**. Разрозненно проживающие лица объединились в одну большую группу людей, постепенно разрастающуюся в суверенную независимую организацию для обеспечения собственной безопасности. Сначала — от диких хищников, затем — от тех, кто, игнорируя правила совместного общежития, нарушал установленный порядок пользования общественными и личными благами. В дальнейшем — для защиты от внешних врагов. Нельзя не признать, что гораздо проще обеспечить безопасность, объединив усилия против общей угрозы.

Таким образом, и уголовное судопроизводство, в продолжение развития данной авторской теории, является инструментом, который позволяет достичь реализации сущностной первопричины объединения людей, придерживающихся идентичных представлений в вопросах права и обладающих общими глобальными интересами.

«Подъ народнымъ участіемъ въ уголовно-судебной деятельности разумеется привлечение къ ней лучшихъ изъ полноправныхъ гражданъ, исполняющихъ судебныя обязанности не по долгу службы, а какъ политическое право и государственную повинность» [5, с. 128].

Рассмотрим несколько **форм участия граждан при отправлении правосудия** в масштабах всего мира:

а) суд всего народа (в отправлении правосудия участвует вся совокупность свободных граждан для реализации своего политического права);

б) шэффены старого и нового германского права. Старинная форма: наиболее достойные и опытные люди определенной местности по общепринятому обычаю разрешали уголовно-правовой спор, исключая при этом возможный властный произвол. При разрешении дела не производилась дифференциация на фактическую и юридическую стороны преступления. Новая форма: «Къ 3-мъ короннымъ судьямъ присоединились 4 шэффена...» [5, с. 141]. В дальнейшем шэффенский суд функционировал в тройственном составе: участковый судья и два шэффена. На эту почетную должность мог претендовать гражданин старше 25 лет, с цензом оседлости не менее 2 лет, ко-

торый не получал пособие из общественной казны для бедных [5, с. 144] и т. д.;

в) сословные суды. Сословность, как правило, выступает переходной ступенькой к общенародному суду. Идея этого суда заключается в целесообразности осуществления суда лицами, равными по статусу субъекту преступления: «По учреждению губерний 1775 г. первую инстанцию суда составляли: для дворянъ — судъ уездный, для городскихъ обывателей — магистратъ или ратуша...» [5, с. 132];

г) присяжные заседатели. «Онъ образовался въ Англіи изъ техъ обыскныхъ людей, къ которымъ обращалось правительство для изледования интересовавшихъ его дель, какъ фискальныхъ, такъ и судебныхъ» [5, с. 136]. Таким образом, можно обнаружить интересную закономерность: наш отечественный суд присяжных — это закономерное развитие национального института повального обыска. Но если при обыске граждан опрашивали о личности заподозренного (добрый или лихой), о его поступках, то в суде присяжных участвуют граждане, незнакомые с подсудимым. Они отвечают на вопросы факта, а с данными о личности подсудимого их знакомит председательствующий судья в той мере, в какой это необходимо, чтобы не сформировать необоснованного предубеждения. Они «постепенно изъ свидетелей превращаются въ судей» [5, с. 136];

д) народные заседатели. Они составляют с профессиональным судьей одну цельную судебную коллегия.

Согласно ст. 25 УПК РСФСР 1922 г. «народный суд рассматривает уголовные дела в составе: а) единоличного народного судьи, б) народного судьи и двух народных заседателей и в) народного судьи и шести народных заседателей»¹.

Таким образом, участие граждан в суде можно свести к трем формулам: а) судят только граждане; б) представители от народа включены в состав профессиональной коллегии судей; в) представители общества образуют коллегия присяжных заседателей, которая выносит вердикт. Итоговый приговор выносится профессиональным судьей.

Именно формат взаимодействия общества и государства по вопросам отправления правосудия формирует основные черты портрета отечественного типа уголовного процесса на любом из этапов его уголовно-процессуальной эволюции.

Порассуждаем о национальных уголовно-процессуальных институтах.

Англичане приписывают себе идею суда присяжных. Но мы не склонны с этим соглашаться. На Руси прообраз такого суда уже имел место в XI в. в период действия Русской Правды. В статье 15 краткой редакции Русской Правды говорится следующее: «Аже где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнетъ, то ити ему на извод пред 12 человека...» [6, с. 47]. Правильнее было бы согласиться с И. Я. Фойницким, заметившим, что повальный обыск постепенно трансформировался в суд присяжных. Этот институт, словно феникс, сгорев в разыскной типологии отечественного уголовного процесса, возродился в состязательной, обретая новые черты. Существует точка зрения, что появлению английского суда присяжных предшествовал суд ассизов. Благодаря выездным сессиям судей и решению ими возникших правовых споров было сконструировано английское прецедентное право. Однако в работе Н. Ланге, посвященной изучению древнего русского уголовного судопроизводства, есть такое утверждение: «Судьи разъезжіе и судьи данные... изредка посылались правительствомъ изъ Москвы въ уезды для решенія на месте только спорныхъ гражданскихъ земельныхъ дель» [3, с. 16]. В связи с этим утверждать, что суд присяжных был английским ноу-хау, которое передовые страны разглядели в XIX в., представляется необоснованным. Эта технология всегда была в уголовно-процессуальной копилке отечественного законодательства. Наша страна обратилась к своему институту тогда, когда в этом возникла необходимость. Не было причин активировать процессуальный свет в светлое время суток, но в момент судьбоносных реформ XIX в. мы обратились к своим отечественным наработкам.

Суд шэффенов — это разработка Германии. Советский Союз — это народные заседатели, отправляющие правосудие наряду с народным судьей.

Сегодня можно наблюдать постепенное вырождение института присяжных заседателей и общее снижение гражданской потребности посещать судебные заседания. В качестве альтернативы можем предложить **Суд справедливости**. Изменения должны коснуться как представителей от общества, так и коллегии профессиональных судей.

Первый блок преобразований: судей должно быть двое по наиболее сложным уголовным делам. Один судья должен занимать активную позицию, при необходимости — организовывать про-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/upk22 (дата обращения: 07.10.2025).

ведение следственного эксперимента в зале суда (ст. 288 УПК РФ), предъявление для опознания (ст. 289 УПК РФ) и др. Второй судья — посредник для сторон, который берет на себя организационно-распорядительную часть судебного заседания и выносит приговор. Судья, ориентированный на получение новых судебных доказательств, в судебном следствии действует с разрешения основного судьи, выступающего нейтральным между сторонами. Как у монеты есть аверс и реверс, так и в деятельности судей, отправляющих правосудие, — две грани.

Второй блок преобразований: от граждан более не следует скрывать данные о личности подсудимого. Если приглашаются представители от народа, то итоговое решение должны принимать именно они. То есть сначала должен выноситься приговор, а затем вердиктом граждан его можно будет скорректировать. Следует разрешить **судьям справедливости** задавать вопросы лично и непосредственно в ходе судебного следствия, но не более одного вопроса от одного человека. Представляется целесообразным именовать участвующих при разрешении уголовного дела граждан **судьями справедливости**.

Особого внимания заслуживают лица, которые пришли посмотреть за ходом проведения судебного заседания по своей инициативе в соответствии со ст. 123 Конституции РФ. Можно предусмотреть голосование и для «зрителей» как представителей своего государства и определенной части общества. Перед ними может ставиться такой вопрос: заслуживает ли осужденный снисхождения? При положительном ответе большинства присутствующих наказание должно быть скорректировано, например, на $\frac{1}{5}$. Приведем такую цитату: «При производстве... суда, всегда присутствовали судные мужи, т. е. дворские, сотские, старосты и лучшие люди... въ качестве свидетелей, какъ велось на суде дело...» [3, с. 12]. При отправлении правосудия царем рядом всегда присутствовали бояре. Сегодняшняя тенденция «пустых залов» должна быть изменена с учетом позитивного отечественного исторического опыта.

Такие меры внесут ясность в деятельность суда, повысят интерес со стороны общественности. Появится взаимосвязь между общественным представительством и итоговым судебным решением. Двое судей обеспечат активность при установлении истины и объективность при вынесении приговора. Новая последовательность вынесения приговора и вердикта поднимет статус судей справедливости в лице всего общества, а возмож-

ность повлиять на итоговое судебное решение обеспечит приток граждан на судебные заседания, что автоматически повысит интерес к профессии, уровень правовой грамотности населения и планку доверия к судебной власти. Данные корректировки позволят сформировать новую национальную технологию взаимодействия общества и государства по вопросам установления истины, придания приговору такого свойства, как милосердие.

Выскажем предположение, что отечественный уголовный процесс по своему смысловому объему может быть и равным российскому уголовному судопроизводству, и шире него, поскольку для граждан Англии или Франции их уголовный процесс будет считаться отечественным.

В научной статье «Типология отечественного уголовного процесса как насущная и масштабная научная проблема» доктор юридических наук профессор Михаил Петрович Поляков анализирует ключевое понятие с позиции догматического и эвристического начала [7, с. 85]. **Догма**, на наш взгляд, может выступать в качестве суммы уже сложившихся учений о содержании и перспективах развития российского уголовного процесса, это «вечные» положения, не подвергающиеся сомнению (например, в состязательном процессе должны быть две стороны — защита и обвинение). Еще один пример догматического: отечественный уголовный процесс представляет собой сумму трех типов (С. В. Познышев, В. К. Случевский и др.), синтез двух типов (И. Я. Баршев, А. В. Смирнов (выделил виды в состязательном и розыскном типах) и др.). **Эвристика** — это способ, позволяющий обнаружить новое и упрощенное в решении известных задач, процесс продуктивного творческого мышления. Ключевым эвристическим потенциалом, на наш взгляд, обладает малоизвестная в XXI в. **категория порядка**. Например, И. Я. Фойницкий писал именно о порядках и видах процесса, имея в виду избираемые пути развития (розыскной и состязательный порядки): «Розыскной порядокъ состоитъ въ смещеніи функций суда и обвиненія...» [5, с. 70]. Но на порядок можно взглянуть и в ракурсе упорядочивания имеющихся уголовно-процессуальных институтов. Если отказаться от наиболее малоэффективных из них, появится правовое пространство для новых идей и конструкций.

Таким образом, отечественный уголовный процесс базируется на догматических постулатах обвинительного, розыскного и состязательного типов в своем процессуальном фундаменте, но ориентируется при этом на поиск новых проактивных

начал, позволяющих оптимизировать следственную и судебную деятельность с сохранением ожидаемого качества истинности с учетом процессуальных сроков, а также критериев достаточности и при соблюдении пределов доказывания.

Порассуждаем о сущности национального. Русский философ И. А. Ильин сформулировал словосочетание «**идея родной нации**». Нам импонирует следующая цитата: «Все великое может быть сказано человеком или народом **только посвоему, и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада...**» [8, с. 228].

Исходя из смысла приведенной сентенции, заметим, что поистине великий, рабочий, максимально подходящий по разнополярному комплексу критериев уголовный процесс для конкретного государства может быть создан только его гражданами — качественный интеллектуальный продукт для самих себя.

Мы можем рассмотреть типологию уголовного судопроизводства в ракурсе космополитического подхода, в соответствии с которым интересы всего человечества ставятся выше интересов отдельной нации. Но полагаем, что это может привести к заранее уязвимой для критики исходной позиции. Нет и не должно быть единого для всего мира уголовного процесса. Это означало бы отрицание национальной индивидуальности, территориальной протяженности, исторической преемственности и ретуширование родной культуры в праве своей страны. Но при этом определенные точки соприкосновения, обеспечивающие минимальный уровень конвергенции между уголовно-процессуальным законодательством стран, быть должны. Считаем, что идея общественного атомизма является работоспособной применительно к конкретной стране, но пока еще не в масштабе всего мира, если мы говорим именно об уголовно-процессуальной сфере.

Нас будет интересовать именно отечественная типология и исключительно отечественный уголовный процесс в значении российского уголовного судопроизводства.

Разберем **корпус из трех значимых типологических проводников-новшеств**, решение вопросов внутри которых может стать предвестником изменений внутри самой суровой отрасли права.

Первый проводник в рамках совершенствования отечественного уголовного процесса — это ст. 20 УПК РФ, именуемая «Виды уголовного преследования». Именно она хранит национальную

память о всех известных типах отечественного уголовного процесса и делает наш уголовный процесс не столько смешанным, сколько многоальтернативным.

Частный вид уголовного преследования — это отражение обвинительного или частно-искового начала уголовного процесса с присущими ему ордалиями и розыскной технологией «заклич, свод и гонение следа». Сегодня только два состава считаются делами частного обвинения (ч. 1 ст. 115 и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ).

Частно-публичный вид уголовного преследования — это пограничное состояние между обвинительным и розыскным началом, когда уголовное дело может быть возбуждено по жалобе потерпевшего, но по общему правилу примирение по нему недопустимо, за исключением ст. 25 УПК РФ и некоторых других.

Публичный вид уголовного преследования на второй план отодвигает частное и диспозитивное начало. На первом месте здесь необходимость защиты и восстановления нарушенного общественного интереса. Именно этот вид уголовного преследования имеет внутри себя наибольшее количество розыскных черт. Ярким историческим примером розыска, помимо формальной системы оценки доказательств, выступает технология публичного обыска.

Полагаем, что проактивный потенциал развития отечественного уголовного процесса может быть сосредоточен в разработке концепции публично-частного вида уголовного преследования, озвученной доктором юридических наук профессором Л. В. Головки. Ее сущность сводится к следующему: «Уголовное дело возбуждается на общих основаниях, но подлежит императивному прекращению по воле обвиняемого, для чего ему достаточно совершить определенные действия» [9, с. 92], например возместить причиненный ущерб в соответствии со ст. 28.1 УПК РФ. В завершение своих рассуждений Леонид Витальевич делает следующее критичное замечание: «Речь идет скорее о сугубо российской законодательной деформации, нежели об универсальных закономерностях развития...» [9, с. 93]. С последним тезисом мы категорически не согласны. Полагаем, что за процессуальной ширмой публично-частного вида уголовного преследования скрыт по-настоящему национальный состязательный проактивный потенциал.

Второй проводник для уголовно-процессуальных изменений: в XIX в. «следствие разделялось на предварительное и формальное и про-

изводилось втайне» [10, с. 52]. Предварительное сводилось к необходимости установить, имело ли место противоправное деяние. Следовало установить все сопутствующие событию преступления обстоятельства (время, место, способ и др.), т. е. «все обстоятельства, указывающія на такое деяніе» [10, с. 52]. Формальное следствие требовало установить личность потерпевшего и информацию, например о похищенном имуществе, «какимъ способомъ, когда, где, кемъ, съ намереніемъ или безъ намеренія учинено...» [10, с. 52].

Мы предлагаем поступить аналогичным образом в плане методологического определения последовательности действий. Предварительное расследование вне зависимости от субъекта, его осуществляющего (следователь или дознаватель), должно делиться на **следствие фактическое** и **следствие обосновательное**. Первое должны осуществлять следователи и дознаватели. Темпорально оно составляет промежуток с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела до установления всех элементов предмета доказывания, т. е. при соблюдении требования достаточности доказательственной базы: «Чтобы следователь, представивъ себя на месте судьи, убедился въ томъ, что по его следствию собраны уже все матеріалы, которые судью могутъ поставить въ состояніе, основать на нихъ решительный обвинительный или освобождающій приговоръ...» [2, с. 187].

Обосновательное следствие должно быть возложено на прокурора, который будет поддерживать по данному уголовному делу государственное обвинение в суде. Полагаем, что деятельность прокурора на этапе предварительного расследования должна быть расширена. Именно этот участник должен составлять обвинительное заключение, акт или постановление на основе материалов, собранных следователем или дознавателем, и утверждать этот процессуальный документ у своего руководителя. Таким образом, деятельность прокурора по утверждению, например, обви-

нительного заключения, должна стать составной частью предварительного расследования. Приведем такую цитату: «Не должны требовать отъ следователей мненій или заключеній по делу, предоставляя это местамъ судебнымъ» [2, с. 189].

Третий проводник: иногда должны выноситься оправдательные приговоры. Приведем статистику в контексте розыскного типа уголовного процесса: «Судебными местами постановлялось приговоровъ обвинительныхъ только 12,5 %, остальные же 87,5 % приходились главнымъ образомъ на приговоры объ оставленіи въ подозреніи» [5, с. 36]. Мы не являемся сторонниками промежуточного неопределенного судебного решения. Однако для гармоничного взаимодействия общества и государства оправдательные приговоры должны расцениваться не как следственная ошибка, а как индикатор правового государства, в котором на первом месте стоят истина и справедливость.

Мы исходим из того, что уголовный процесс не каждой страны может претендовать на статус типа. Как только национальное уголовное судопроизводство достигает высокого уровня уникальной отечественной эволюции и содержит в своей структуре ряд эффективных рабочих институтов, оно приобретает статус типа. И начинается закономерная экспансия отдельных его частей в другие страны (рис. 1). Яркий пример — это уголовно-процессуальное законодательство СССР, выступившее образцом для многих других государств.

Идея очарования пронизывает английское уголовное судопроизводство. На ее волне рядом стран была заимствована состязательная технология вместе с судом присяжных. Идея навязывания и процессуальной напористости отражает сущность американского масштабирования их национальных институтов (например, особые порядки). У нашей страны будет свой особый путь, в основе которого — забота и любовь к своему народу.

Нами на основе лестницы Ханта (или лестницы осведомленности) была сконструирована имиджевая уголовно-процессуальная модель (рис. 2).

Рис. 1. Приобретение статуса «Тип уголовного процесса»

Рис. 2. Алгоритм заимствования национальных институтов другими странами

Именно по такому алгоритму со временем будут копироваться уголовно-процессуальные институты российского типа уголовного процесса другими странами.

Типология отечественного уголовного процесса — это теоретический способ его описания и изучения, а также эмпирический метод познания его сущности. Отечественный уголовный процесс — это наши уникальные наработки, учитывающие особый национальный путь. Типология нашего уголовного процесса — это процессуальное хранилище всех существовавших форм и институтов. И как в химии при смешении новых компонентов (или тех же самых, но в других пропорциях) может быть создано новое химическое вещество, так и в уголовно-процессуальной науке конвергенция отдельных свойств исторических типов отечественного уголовного процесса, умноженная на его эвристический потенциал, позволит по-новому взглянуть на уголовное судопроизводство *de lege ferenda*.

Суть отечественного уголовного процесса заключается в его ориентированности на заботу о гражданах своего Отечества. Именно поэтому нами была предложена классификация типов уголовного процесса исходя из взаимодействия общества и государства по вопросам борьбы с преступностью (символический, доверительный, коллегияльный и гласный).

Приведем цитату И. А. Ильина: «Долгая жизнь на чужбине не делает ее родиной... пока человек не сольется духом с дотоле чужим ему народом...» [8, с. 194—195]. То же правило действует в отношении импортных уголовно-процессуальных институтов. Они могут быть названы отечественными только тогда, когда были приняты народом и гармонично встроились в структуру уголовно-процессуальной материи. А если институт стал народной «Калинкой-Малинкой», то это уже исключительно национальная технология, у которой появились свои уникальные и неповторимые черты.

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и Образование, 2016. 1376 с.

2. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства, съ применіемъ къ российскому уголовному судопроизводству: сочиненіе. Санкт-Петербургъ: Въ Тип. II Отд-я Собств. Е. И. В. Канцеляріи, 1841. 297 с.

3. Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство: сочиненіе. Санкт-Петербургъ: Тип. и хромолиитографія А. Траншеля, 1884. 248 с.

1. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions. Red. by L. I. Skvortsov. 28th ed., rev. Moscow: World and Education; 2016: 1376. (In Russ.).

2. Barshev Ya. I. The basis of criminal proceedings, applied to the Russian criminal proceedings. Essay. Saint Petersburg: in the Printing house of the second department of the own office by Her Imperial Majesty Office; 1841: 297. (In Russ.).

3. Lange N. Old Russian criminal proceedings. Essay. Saint Petersburg: Printing house and chromolithography by A. Transhel; 1884: 248. (In Russ.).

4. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. Москва: Юристъ, 2001. 592 с.

5. Фойницкий И. Я. Курсъ уголовного судопроизводства. Т. I. 4-е изд. Санкт-Петербургъ: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1912. 566 с.

6. Краткая редакция «Русской Правды» // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. I. Законодательство Древней Руси. Москва: Юрид. лит., 1984. 432 с.

7. Поляков М. П. Типология отечественного уголовного процесса как насущная и масштабная научная проблема // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 3 (74). 2025. С. 83—90.

8. Ильин И. А. Путь духовного обновления. Москва: АСТ, 2024. 448 с.

9. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: монография / А. Ф. Абдулвалиев, Н. В. Азаренок, Е. К. Антонович [и др.]; отв. ред.: Л. Н. Масленникова, А. А. Собенин. Москва: Юрлитинформ, 2025. 456 с.

10. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: пособие къ лекціям. 3-е изд., пересмотр. Петроградъ: Изд. Юрид. кн. склада «Право», 1916. 597 с.

4. Theory of state and law. Textbook. Red. by V. K. Babayev. Moscow: Jurist; 2001: 592. (In Russ.).

5. Foinitsky I. Ya. Course of criminal proceedings. Vol. I. 4th ed. Saint Petersburg: Printing house of the association "Public benefit"; 1912: 567. (In Russ.).

6. Brief version of "Russian Truth". Russian legislation of the X—XX centuries. In 9 vols. Vol. I. Legislation in Old Russia. Moscow: Legal literature; 1984: 432. (In Russ.).

7. Polyakov M. P. The typology of domestic criminal procedure as vital and large-scale scientific issue. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 83—90, 2025. (In Russ.).

8. Iliyev I. A. Way of spiritual revival. Moscow: AST; 2024: 448. (In Russ.).

9. Abdulvaliyev A. F., Azarenok N. V., Antonovich Ye. K. (et al.) Public and dispositive beginnings in the criminal proceedings of Russia. Monograph. Red. by L. N. Maslennikova, A. A. Sobenin. Moscow: YurLitinform; 2025: 456. (In Russ.).

10. Rozin N. N. Criminal proceedings. Handbook to lectures. 3rd ed., rev. Petrograd: Publication of the legal book warehouse "Law"; 1916: 597. (In Russ.).

Ламтева Анна Вячеславовна,

докторант научно-исследовательского отдела
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
criminalprocedure2025@mail.ru

Lamteva Anna Vyacheslavovna,

post-doctoral student of the research department
of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
criminalprocedure2025@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.01.2026; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 11.01.2026; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *